Понедельник, 25 марта 1957 г., № 71 (3464)

Вечерний Ленинград

ТЕАТР

„Осенний сад"

Спектакль Театра драмы имени А. С. Пушкина

Маленький приморский городок одного из южных штатов. В уютном пансионе из года в год проводят летний сезон несколько семей. Это обеспеченные леди и джентльмены, принадлежащие, как и хозяйка, к так называемому «порядочному обществу». Но за дорогими туалетами и благопристойностью манер кроются глубокая опустошенность, трагическая бессмысленность существования людей, связанных между собой нездоровыми, недобрыми, подчас мучительными отношениями.

Такими предстают перед нами персонажи пьесы американской писательницы Лилиан Хеллман «Осенний сад», поставленной недавно Академическим театром драмы имени А. С. Пушкина.

Написав пьесу с явной ориентацией на чеховскую манеру, автор сосредоточила свое внимание на анализе душевных переживаний героев, на углубленном раскрытии внутренних, казалось бы, вневременных психологических конфликтов. Однако появляющиеся перед зрителем безвольные и праздные люди, не способные сопротивляться ударам судьбы, пуще всего боящиеся изменить что-либо в своей бесцельной жизни, несут на себе отчетливые приметы времени и социальной среды. Театру (постановщик Л. Вивьен, режиссер Ю. Дубравин) удалось, не поступаясь художественным своеобразием психологической драмы Л. Хеллман, убедительно раскрыть в сценических образах глубокий кризис и безысходный нравственный тупик буржуазной интеллигенции в условиях послевоенной Америки.

В течение нескольких дней, которыми ограничено действие пьесы, раскрывается трагичность судьбы каждого из персонажей. Более двадцати лет ждала Констанс Такермен, хозяйка пансиона, встречи с изменившим ей, но до сих пор любимым художником-дилетантом Николасом Динери. Она надеется увидеть его таким, каким все эти годы представляла в своих мечтах. Констанс в исполнении Н. Рашевской сохранила некоторую наивность и непосредственность чувств. Тем трагичнее гибель иллюзий: человек, которого она обожествляла, оказался грубым циником и пошляком. Особенно удалась артистке сцена, когда нелепо наряженная Констанс позирует Николасу Динери; все еще не решаясь расстаться со своей мечтой, она уже ощущает себя глубоко несчастной.

В. Янцат убедительно показывает развязность, наглость и беззастенчивый эгоизм Динери, давно утратившего уважение к людям и к себе, вносящего грязь и пошлость во все, с чем он сталкивается. Артист разоблачает своего героя, раскрывая за кажущимся вначале обаянием опустошенность и никчемность.

Удачей спектакля явилось исполнение Н. Вейтбрехт роли Нины Динери. Жена ничтожного и самовлюбленного эгоиста, Нина хорошо знает цену своему супругу, глубоко презирает его, понимая, что ему нужны лишь ее деньги. Но эта умная, измученная женщина сознает, что никогда не найдет в себе сил уйти от Динери. Артистка подчеркивает душевную усталость Нины, ее иронию по отношению к окружающим, болезненное любование собственными страданиями.

Глубоко несчастным чувствует себя и генерал Григгс, безвольно продолжающий совместную жизнь с совершенно чуждой ему вульгарной и претенциозной женщиной. В трактовке В. Гайдарова он предстает как человек, в котором давно убита энергия. Чем-то мертвенным веет от Григгса, внешне подтянутого, безукоризненно вежливого, сохраняющего осанку. Остро характерный, хотя и несколько традиционный рисунок роли жены Григгса создает артистка Е. Вольф-Израэль.

Свежие краски находит Е. Тиме для изображения надменной, богатой и вздорной старухи Мэри Эллис. Артистка хорошо передает тонкий презрительный юмор этой пожившей в свое удовольствие, эгоистичной женщины, прекрасно понимающей пороки и слабости окружающих ее людей. Кэрри Эллис (А. Парамонова) и ее сын Фредерик (А. Дубенский) непрерывно терзают друг друга, пытаясь доказать себе и другим, что обладают какой-то настойчивостью и волей, но этим только обнаруживают свою истеричность и бесхарактерность.

Ничего не ждет от жизни и Эдуард Кроссмен. Как тень, молча ходит он по пансиону, растрачивая свои дни. В. Честнокову удалось показать, что этот умный, видящий пустоту и бесполезность окружающих, наделенный нравственной чуткостью человек, видимо, в прошлом был способен на лучшее. Но одинокая, незаполненная содержанием жизнь опустошила его душу, убила даже самое светлое в нем — пронесенную через многие годы невысказанную любовь к Констанс и превратила его в безвольного алкоголика. Хотелось бы только, чтобы более выразительно прозвучало заключительное объяснение Кроссмена с Констанс Такермен. Представляется, что завершение образа было бы более точным, если в момент объяснения на какое-то мгновение в Кроссмене снова вспыхнула бы искра живого чувства, чтобы затем погаснуть навсегда.

Особенно хочется отметить игру Н. Мамаевой в роли юной Софи Такермен. Замечательная способность артистки воссоздавать во всей сложности трепетную и противоречивую жизнь человеческой души в полной мере проявилась и в этом спектакле. Ее Софи и тоскует по своей далекой родине, и пытается приспособиться к волчьим законам мира, в котором оказалась, страдает от грубости и эгоизма окружающих и даже лицемерит. В отличие от других героев пьесы в ней есть жизнеспособность, есть горячее стремление пробиться к какой-то иной, пусть нелегкой, но настоящей жизни. Только ей и дано вырваться из «осеннего сада». Сложный характер своей героини Мамаева передает, используя все многообразие сценических средств: богатую мимику, выразительные интонации, жесты.

Созданию нужной атмосферы способствует оформление спектакля (художник Д. Попов), подчеркивающее неподвижную, застойную жизнь кучки ненужных людей.

Пустеет пансион, и зритель, расставаясь с жалкими «дачниками» Л. Хеллман, уносит из театра чувство презрения к тому чуждому нам миру, в котором угасает и гибнет все живое, человеческое.

Б. РАСКИН

На снимке: сцена из 2-й картины спектакля. Слева направо — Нина Динери (артистка Н. Вейтбрехт), Леон, слуга (артист В. Таренков), Николас Динери (народный артист РСФСР В. Янцат), Роз Григгс (заслуженная артистка РСФСР Е. Вольф Израэль)

Фото Д. Мовшина